

[МАТЕРИНСТВО И СОЦИАЛИЗМ]¹

До сих пор мы рассматривали проблему материнства исключительно в рамках существующего капиталистического строя. Мы нашли, что корень этой проблемы лежит в совокупности условий, создаваемых капиталистической культурой. Мы показали затем, что при данных экономических, правовых и психологи-

¹ Выступление Н. А. Вигдорчика на XII Пироговском съезде врачей (1913 г.), в котором он высказался в пользу мер предохранения от зачатия, вызвало, как известно, критическое замечание В. И. Ленина (см.: *Ленин В. И. Полн.*

ческих условиях нельзя ждать никакого отклонения в дальнейшем развитии проблемы. Ни естественный ход вещей, ни искусственные меры, специально направленные на борьбу с неомальтузианством², не могут остановить прогрессирующего падения рождаемости. И в результате анализ привел нас к пессимистическому выводу, что проблема материнства неразрешима, что грядущее вымирание культурного человечества предотвратить нельзя. Но этот вывод верен, очевидно, только для данного общественного строя. Раз наши посылки относятся к определенному историческому моменту, то, очевидно, к тому же моменту относятся и наши умозаключения. Следовательно, мы вправе только сказать, что проблема материнства неразрешима на почве капитализма, что капиталистический строй неотвратимо ведет к вымиранию населения.

Теперь мы должны сделать дальнейший шаг в нашем исследовании. Мы должны вывести наш анализ за пределы современного строя и поставить вопрос о влиянии на материнство и на рождаемость самой эволюции этого строя. В самом деле, если падение рождаемости есть плод капиталистической культуры, то, очевидно, судьба этого вопроса неразрывно связана с судьбой капитализма. И если история разрешит все эти проклятые вопросы, которые порождены капитализмом, то она найдет исцеление и от прогрессирующего падения рождаемости.

Итак, сделаем попытку осветить проблему материнства с точки зрения исторической эволюции.

В этом освещении изложенная нами проблема представляется явлением двойственным, заключающим в себе два противоположных начала — положительное и отрицательное, прогрессивное и регрессивное. Проблема материнства будет разрешена, если положительное начало будет утилизировано, а отрицательное в то же время обезврежено. В этом направлении и должен быть найден исход из, казалось бы, безвыходного положения.

Но что же положительного в современном падении рождаемости? Чрезвычайно много. Как это ни звучит парадоксально, в этом печальном явлении, угрожающем вымиранием культурных

собр. соч. Т. 23. С. 255). Это побудило ученого основательно исследовать проблему рождаемости. В работе (см.: *Вигдорчик Н. А. Проблема материнства в капиталистическом обществе*. Пг., 1922) он дал глубокий анализ факторов рождаемости при капитализме. В заключительной части книги (С. 160—171), которая воспроизводится здесь с небольшими сокращениями, он попытался представить, какие социальные силы будут определять уровень рождаемости в будущем социалистическом обществе. Несмотря на наивность некоторых представлений автора (понятную, если учесть, что книга вышла в свет на пятом году Советской власти), он во многом предвосхитил и современное понимание проблем рождаемости.

Подробнее об авторе см.: *Фридлянд И. Г. Николай Абрамович Вигдорчик: (К 100-летию со дня рождения)* // Гигиена труда и проф. заболевания. 1974. № 11. С. 53—55.— *Ред.*

² В то время так называли практику регулирования деторождения супругами. Этот термин, характерный для публикаций того времени, будет неоднократно встречаться и в работах других авторов.— *Ред.*

наций, скрыто одно из величайших приобретений культуры, приобретений, равных которым нельзя найти во всей истории человечества. Это приобретение есть рационализация половой жизни.

До сих пор во все века истории рождаемость регулировалась исключительно инстинктом размножения. В этом отношении человек ничем не отличался от животного³. Инстинкт побуждал к максимальной плодовитости, и человек безропотно следовал этому инстинкту. Никто никогда не задавался вопросом, сколько нужно было родить детей. Была ли смертность велика или низка, могла ли территория прокормить много людей или мало — все равно рождали столько, сколько могли. Естественные и социальные условия уже потом определяли, какое количество родившихся должно остаться в живых и какое должно погибнуть, но родители никогда этим вопросом не интересовались. Если дети умирали, если дети не находили себе пропитания — это было, как говорится, «делом божьим». Родители не считали себя за это ответственными.

В неомальтузианстве человечество нашло метод сознательного регулирования деторождения. С помощью этого метода человек восторжествовал над самым сильным, самым властным своим инстинктом. В эпоху, когда все области жизни отданы под контроль разума, стало неизбежным рационализировать и область половых отношений. Современный человек все изучает, все старается понять, всем хочет управлять, стремится все предвидеть и предусмотреть. Было бы совершенно непонятно, если бы он не внес дух рационализма в такую первостепенную область своего существования, какой является область деторождения. Современные родители не могут не думать о судьбе своих детей раньше, чем произведут их на свет. Они не могут отдать судьбу своего потомства на произвол случая. Поэтому они накладывают узду на инстинкт размножения, они стараются управлять им. И неомальтузианство есть тот метод, с помощью которого они достигают этой цели. В этом положительное прогрессивное содержание проблемы материнства в современной ее постановке.

Но этот метод, знаменующий собой великий успех человеческой культуры, победу человека над последними остатками животного состояния, этот метод получил распространение в эпоху небывалого расцвета индивидуализма, когда каждый отдельный человек предоставлен собственной участи, живет на свой страх и риск, устраивает свою жизнь применительно к своим индивидуальным потребностям и привыкает противопоставлять свои интересы интересам целого, интересам общественного коллекти-

³ Существование «инстинкта размножения», или «инстинкта продолжения рода», у человека сейчас справедливо оспаривается советской наукой. Размножение людей, или воспроизводство населения, в человеческом обществе с самых ранних ступеней истории рассматривается как процесс, регулируемый социальными, а не биологическими факторами.— *Ред.*

ва. Таким образом, регулирование деторождения приобрело индивидуалистический характер. Не человечество как целое, ни даже отдельная страна, отдельная нация взяла в свои руки управление размножением; управлять им стал каждый отдельный человек, каждая семья, применительно к своим мелким индивидуальным интересам, вне всякой связи с интересами целого, без всякого учета потребностей общества. Применение неомальтузианства несомненно облегчило бремя материнства для современного человека. Но вследствие индивидуалистического применения этого способа, обществу стал угрожать призрак вымирания. То, что выиграла часть, то потеряно целым. Спасение индивидуума ведет к гибели нации. В этом отрицательное содержание современной проблемы материнства <...>.

На низших ступенях органической жизни природа явно отдает предпочтение родовому началу перед индивидуальным. Быстрое и обильное размножение является таким могучим фактором в борьбе за существование, что ради него приносится в жертву индивидуальная жизнь. Она укорачивается, уродуется, обесцвечивается. Насекомое, которое умирает тотчас же после кладки яиц, является лучшим примером в этом отношении. По мере перехода к высшим организмам борьба за существование облегчается, значение размножения как фактора борьбы за существование ослабевает, и индивидуальная жизнь начинает постепенно освобождаться из под гнета родового начала.

У человека даже на низших ступенях культуры размножение уже не играет такой доминирующей роли, как у животных. Даже дикарь живет довольно интенсивной индивидуальной жизнью. Тем не менее, противоречия между интересами индивидуума и интересами рода проявляются довольно отчетливо во все эпохи существования человека, то усиливаясь, то ослабевая, в зависимости от того, как складывается общественная жизнь. Бремя материнства и есть не что иное, как тот гнет, который испытывает индивидуальная жизнь под давлением родового начала. У кочевников и охотников это бремя настолько велико, размножение настолько отягчает у них индивидуальную жизнь, что уже в эту раннюю стадию культуры человек начинает применять методы для борьбы с размножением. Систематическое, узаконенное детоубийство — распространенное явление у многих доисторических народов и у некоторых современных диких племен. С переходом к земледельческому образу жизни бремя материнства постепенно ослабевает, но далеко не исчезает совсем. В значительной своей части оно переносится на женщину, мужчина же испытывает его уже в гораздо меньшей степени. Развитие культуры повышает значение индивидуального начала, а вместе с тем усиливает и бремя материнства. Уже в эпоху рабства и феодализма высшие классы начинают применять методы ограничения рождаемости. Искусственные выкидыши производились нередко среди знатных римских женщин и среди придворных дам средних веков. Время от времени наблюдаются попытки найти средство

для предупреждения зачатия. С развитием торговли, промышленности, городской жизни, вообще с переходом к капиталистическому строю с его напряженной борьбой за существование индивидуальное начало приобретает в жизни человека все большее значение. Бремя материнства становится все тяжелее. Человек начинает настойчиво искать средства борьбы с размножением. Экономическое и правовое освобождение женщины дает этому стремлению могучий толчок. Успехи техники и науки идут ему навстречу. И вот наконец появляется неомальтузианство. Появляется метод, при помощи которого человек начинает защищать свои индивидуальные интересы от требований рода. Это средство находит себе применение сперва в высших классах общества, затем переходит к средним слоям, и наконец делается достоянием широких народных масс. Индивидуальное начало объявляет себя победителем, родовое оказывается побежденным.

Однако при современных условиях эта победа все более превращается в пиррову победу. Безграничное торжество индивидуального начала угрожает гибелью рода, т. е. исчезновением победивших индивидуумов. Мудрая природа, так заботливо охраняющая интересы рода, оказалась бессильной перед искусством человека. Чтоб обеспечить размножение организмов, природа искусно связала в один сложный механизм сильнейшую индивидуальную потребность — половое влечение с аппаратом размножения. Удовлетворяя половое влечение, организм, помимо своей воли, выполняет функцию размножения. Но человек научился отделять одно от другого. Он нашел путь, при помощи которого можно удовлетворять инстинкт размножения, не размножаясь. Осталась только одна часть этого инстинкта, которая еще утилизируется в интересах рода: это любовь к детям, наслаждение детьми, не их рождением, а их воспитанием. Но эта потребность легко насыщается, для этого достаточно одного, двух детей. Мальчик и девочка — вот максимум, необходимый для удовлетворения потребности в детях. Но этот максимум ниже того минимума, который необходим для поддержания рода, и род начинает иссыхать.

Итак, в историческом освещении современное падение рождаемости является в одно и то же время и победой и поражением. Победа заключается в рационализации половой жизни, в открытии метода регулировать деторождение. Этим самым человек освободил свою индивидуальную жизнь из под ярма принудительного материнства. Но эту победу одержало не человечество, не общество, не коллектив, а отдельный человек, да притом еще человек самого индивидуалистического из всех индивидуалистических строев. И он зашел в своем торжестве слишком далеко. Гораздо дальше, чем это допустимо с точки зрения интересов общества. Он стал регулировать размножение, не регулируемый сам со стороны своего коллектива. Рационализация половой жизни приняла узко индивидуалистический характер. И победа стала все более и более превращаться в поражение.

В этом историческом освещении сам собой намечается выход из положения. Разрешение проблемы материнства заключается в том, чтобы придать рационализации половой жизни социальный характер. Должны быть найдены пути, при которых общество могло бы влиять на регулирование деторождения, находившееся до сих пор в руках отдельного индивидуума. Необходимо согласовать интересы индивидуума и интересы рода, и это, конечно, может сделать только род, только коллектив, только общество.

Но какое общество? Капиталистическое? Конечно, нет. Мы уже достаточно подробно показали, что в рамках современного строя нет средств разрешить проблему материнства. Наоборот, то противоречие, которое раскрывается перед нами в проблеме материнства, та действительность, которая придает этой проблеме одновременно характер и положительный и отрицательный, — это противоречие есть плоть от плоти капитализма, есть одно из проявлений тех органических противоречий, которыми насквозь пропитан капиталистический строй. Следовательно, мы должны обратить свои взоры в историческую даль, к тому обществу, которое придет на смену нынешнему, к обществу социалистическому. Разрешения проблемы материнства нужно ожидать от социализма.

* * *

Для нашей цели нет необходимости давать подробную характеристику социалистического строя, как его понимают представители современного научного социализма⁴. Для нас достаточно остановиться только на тех его чертах, которые могут сыграть роль в разрешении проблемы материнства.

Сущность социалистического строя составляет общественная организация производства. Этой сущностью определяются все другие особенности социализма, все то, что должно лечь гранью между ним и современным строем. Общественная организация производства знаменует собой переворот во всем укладе общественной жизни, в быте, взаимоотношении и психологии людей.

Переход производства из частных рук в руки общества ведет за собой и общественную организацию распределения. Раз общество будет производить продукты, то очевидно, что и распределение их делается его неотъемлемой функцией. Общественная же организация распределения устранил две основные язвы капиталистического строя — социальное неравенство и социальную необеспеченность. Общественные органы социалистического государства должны будут стремиться к равномерному распределению производимых богатств. Накопление большого количества продуктов на одном полюсе и одновременная нужда в самом необходимом на другом несовместимы с социалистическим стро-

⁴ Имеется в виду марксизм-ленинизм в целом.— *Ред.*

ем. Так же несовместима та необеспеченность существования, которая составляет одно из самых тяжелых бедствий капитализма. Социалистическое распределение продуктов будет учитывать и неработоспособную часть населения, снабжая ее всем необходимым наравне с работоспособной частью. Обеспечение больных и инвалидов будет составлять нормальную функцию социалистического государства. Легко понять, какой колоссальный переворот будет вызван в психике людей этим изменением в их экономическом положении. Исчезновение социального неравенства убьет тот чудовищный, уродливый индивидуализм, который вырос на почве капитализма. Исчезнет зависть, взаимное недоброжелательство, борьба всех против всех. Исчезнет стремление пробраться как можно выше по ступеням социальной лестницы, завоевать себе возможно более высокое положение, стремление, которое порождает вечное недовольство, постоянную неудовлетворенность, непрерывное напряжение всех сил в жизненной борьбе. В то же время обеспеченность существования уничтожит страх перед завтрашним днем. Накопление сбережений делается бессмысленным. Заботы о завтрашнем дне перейдут к обществу и его управляющим органам, каждый же отдельный индивидуум будет наслаждаться спокойным и прочным существованием.

Уравновешенный и жизнерадостный человек социалистического общества впервые фактически... не будет [иметь] оснований бояться другого человека, ни завидовать, ни мстить ему, ни карать его. Но любовь к ближнему есть любовь ко всем ближним, ко всему коллективу, к обществу. В отличие от того, что мы видим теперь, человек не будет противопоставлять себя обществу, не будет чувствовать противоположность своих интересов с интересами целого. Напротив, и в чувстве и в сознании людей при социалистическом строе будет господствовать общественное начало. Отношения человека к обществу и общества к человеку приобретут характер отношений семейных. Все люди действительно будут составлять одну семью и каждый член этой семьи — в той же мере дорожить общественным благом, как и своим личным. Отсюда будет неизбежно еще одно — психологическое последствие; влияние общественного мнения чрезвычайно возрастет; оно делается крупной двигательной силой. Но это будет сила разумная, исходящая из действительных существенных требований жизни. Общественное мнение не будет вмешиваться в частную, личную жизнь, во все те области, которые не затрагивают общественного блага. Напротив, в этой области человек эмансипируется от того бессмысленного, косного, недоброжелательного контроля, который проводит современное общественное мнение. Но за то во всем том, что касается интересов общества, сила общественного мнения в социалистическом строе делается непобедимой. То, что достигается теперь юридическими карами и физическим принуждением, то будет легко и безболезненно достигаться моральным действием общественного мнения. Со-

циалистический строй будет иметь свою мораль и свою этику, и будущий человек будет неизмеримо более этичен, чем современный.

Вот общие контуры тех изменений, которые вносит в жизнь социалистический строй.

Как же отразятся эти изменения на проблеме материнства?

Объективные условия материнства, условия питания, жилища, одежды, труда и пр. должны неизмеримо улучшиться в социалистическом строе. Установление социального равенства, даже при современной производительности труда, могло бы значительно повысить жизненный уровень широких масс населения. Но социализм — с его планомерной организацией производства, с устранением конкуренции, безработицы, анархии промышленной жизни, — социализм должен значительно поднять производительность труда и тем увеличить богатство общества. Никакие реформы в рамках капиталистического строя не могут дать массам такого улучшения материальных условий существования, какие несет с собой социализм.

Уже в силу этого одного облегчится объективное бремя материнства. Но социализм уменьшит это бремя еще другим путем. Несомненно, что социалистический строй углубит и расширит так называемую индустриализацию домашнего хозяйства. Приготовление пищи, починка одежды, содержание в чистоте жилища, стирка белья — все это и теперь в крупных капиталистических центрах все более и более отходит от семьи и делается предметом специальных отраслей промышленности. В будущем этот процесс пойдет еще быстрее. Таким образом, семейная жизнь разгрузится от массы технических мелочей. У родителей, а в особенности у женщин, останется больше времени и сил для воспитания детей. Но и в воспитание детей будет внесено общественное начало. Это не значит вовсе, что детей будут брать у родителей тотчас после рождения и отдавать на воспитание в общественные приюты, как это изображают поверхностные противники социализма. Таким путем можно было бы совершенно убить любовь к детям, т. е. ту единственную индивидуальную потребность, которая идет навстречу интересам рода. Нет, дети будут оставаться у родителей, но всевозможного вида общественные учреждения, начиная с яслей и кончая студенческими общежитиями, будут приходить на помощь родителям каждый раз, когда у них будет возникать потребность в соответствующем учреждении.

Но уменьшение объективного бремени материнства само по себе, как мы знаем, еще не в состоянии повысить рождаемости. Необходимо, чтобы одновременно не повышалось субъективное бремя вследствие роста потребностей. Но как раз от этой опасности социалистический строй застрахован. Рост потребностей будет носить общественный характер. По мере того как будет повышаться производительность труда, как будет увеличиваться общественное богатство, будет улучшаться и жизненная обста-

новка всех членов общества. У отдельного индивидуума не будет возможности расширять свои потребности в ущерб другим. Да у него и не возникнет такого стремления. Раз не будет борьбы за существование между людьми, раз конкуренция уступит место дружному сотрудничеству, раз члены общества будут смотреть друг на друга, как на членов одной семьи, то никому не захочется выделяться из общего уровня лучшими условиями существования. Богатства будут стыдиться так, как теперь стыдятся бедности.

Исчезнет, наконец, и тот момент, увеличивающий субъективное бремя материнства, который заключается в необеспеченности существования. При социализме не будет нужды обеспечивать детей, припасать им капитал или имущество на черный день, заботиться о прочности их социального положения. У всех будет одинаковое социальное положение и прочность его будет гарантирована всем достоянием государства.

Таковыми представляются условия материнства в социалистическом обществе. Несомненно, что при этих условиях должно значительно ослабеть то противоречие, которое привело капиталистический строй к падению рождаемости. Индивидууму уже не будет так трудно удовлетворить интересы рода, как это трудно теперь. Но, с другой стороны, и род в лице социалистического общества не будет предъявлять к индивидууму повышенных требований. Исчезнут империалистические войны и не нужно будет копить пушечное мясо для взаимного истребления народов. Отдельные нации не будут гнаться за увеличением своего народонаселения ради победы над соседями или защиты от них. Социалистическое государство будет стараться сохранить свое население в равновесии или иметь небольшой прирост ради заселения пустующих пространств. При том значительном понижении смертности, которого следует ожидать в результате улучшения всех условий существования, указанная цель будет достигнута, если в среднем на одну брачную пару придется от 2 до 3 детей. Такую норму рождаемости общество будет требовать от своих членов. Само собою разумеется, что здесь идет речь не о требованиях юридического характера. Это будет требованием моральным. Общественное мнение будет осуждать всякую семью, которая не выполнит в этом отношении своих обязательств перед обществом. А для гражданина социалистического государства осуждение со стороны общественного мнения будет более сильным двигательным началом, чем самые суровые кары закона для современного человека.

Таким образом, и в будущем строе неизбежно ограничение рождаемости. Неомальтузианство не исчезнет, не может исчезнуть, и не должно исчезнуть. Напротив, оно сделается достоянием всего населения. Возможно, что оно будет еще более усовершенствовано, что будут найдены еще более надежные и менее неприятные методы предупреждения зачатия. Отказаться от неомальтузианства значило бы для человечества снова отдать

себя в рабство слепому инстинкту размножения⁵. Это невозможно уже для современного человека, тем более это будет невозможно для человека будущего социалистического строя. Достигнув сознательного регулирования хозяйственных отношений, сделавшись господином над сложным механизмом общественного производства, будущий человек не отдаст себя на волю случая стихии в такой важной отрасли жизни, какой является деторождение. Рационализация половой жизни как величайшее приобретение культуры будет сохранено и в социалистическом обществе, но в отличие от современности оно приобретет общественный характер. Регулируя свою половую жизнь, человек сам будет находиться под контролем общественного мнения. Он не будет рождать так много, как этого хочет природа, но и не так мало, как этого хотел бы он сам. Норма рождаемости будет определяться обществом применительно к потребностям не части, а целого⁶. И часть пойдет навстречу целому, ибо между индивидуумом и обществом не будет того антагонизма, который присущ современному строю.

Так разрешится «загадка сфинкса». Так, и только так может культурное человечество избежать гибели. Других путей, других методов, других решений не существует.

Анализируя экономические отношения капиталистического строя, К. Каутский в «Эрфуртской программе» говорит: «Остановиться на стадии капиталистической цивилизации невозможно: либо вперед, к социализму, либо назад, к варварству»⁷.

Анализируя проблему материнства в современном обществе, мы приходим к более резкой альтернативе: «либо социализм, либо вымирание».

⁵ См. сн. 3.— *Ред.*

⁶ В настоящее время проблема соотношения индивидуальных и общественных потребностей в этой области рассматривается не столь однозначно.— *Ред.*

⁷ См. в издании тов. «Знание». СПб., 1907. С. 117. [Современный источник: Каутский К. Эрфуртская программа: (Коммент. к принцип. части). М., 1959. С. 132.— *Ред.*]